

сованному к картографическим документам, может «взглянуть из-за плеча» картографа и понять, каким образом появился на карте тот или иной контур или объект, почему он ассоциировал определенное географическое название с конкретным элементом местности и т.д.¹⁰⁵ По сути дела продолжая эту же мысль, Брайн Харлей утверждает, что ответ на вопрос «как делалась карта» является главным критерием надежности получаемой из нее информации¹⁰⁶. Приведенные суждения ведущих английских историков картографии в полной мере применимы практически к любым географическим документам прошлого.

В планируемом труде мы будем использовать все те из рассмотренных выше методологических разработок в области истории географии, которые могут быть полезными для создания предназначенного для профессионалов-географов общего аналитического обзора развития нашей науки с древнейших времен до современности. Лейтмотивом будет история приемов и методов (практик) изучения среды обитания человека, идей и теорий географического знания и науки в их зависимости от уровня общенаучных знаний определенных периодов, влияние на них религиозных и философских взглядов, социально-политических интересов эпохи, а также историко-культурных особенностей различных народов и стран. Исходя из этой задачи, мы постараемся разработать, с разной степенью детальности в зависимости от рассматриваемых периодов, следующие сюжетные линии: 1) генезис географических представлений и кругозора; формирование географической картины мира; 2) развитие представлений о задачах и предмете географической науки; формирование географического мышления и основных географических дисциплин; 3) происхождение и развитие важнейших национальных географических традиций в мире: французской, немецкой, англо-американской, русской; 4) формирование и развитие теоретических представлений о географии как о целостной системе взаимосвязанных естественных, технических и общественных наук и о ее месте в системе естественных и гуманитарных наук в рамках основных национальных традиций; 5) зарождение и история основных институциональных форм географической науки в мире: университетов, академий, исследовательских институтов и программ, а также возникновение и развитие профессиональной подготовки специалистов географического профиля; 6) развитие практических и познавательных функций географии, генезис основных форм географической практики; 7) социальная роль, которую география играла в обществе: география и картография как инструменты формирования самосознания (идентичности) разного уровня — этнического, национального, имперско-колониального, государственного, регионального, локального и других; 8) роль географических материалов прошлого (географических сочинений, описаний, дневников наблюдений, топографических и географических карт и т.п.) как источников по истории географической науки и материалов для изучения былых состояний природной среды и процессов взаимодействия природы и общества.

¹⁰⁵ Skelton R. A. Looking at an Early Map. Lawrence, Kans., 1965. P. 4.

¹⁰⁶ Harley J. B. The Evaluation of Early Maps: Towards a Methodology // *Imago Mundi*. 1968. Vol. 22. P. 70.

И. А. ТЮЛИНА

ПЕРВЫЙ ДЕКАН МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ — ПРОФЕССОР ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

Нынешняя структура российских университетов восходит к 1933 г., когда постановлением Коллегии Наркомата просвещения была восстановлена их факультетская организация. В старейшем российском университете — Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова — тогда было создано шесть факультетов: механико-математический, химический, физический, биологический, почвенно-географический и рабфак. К 70-летию этого события мы публикуем статью, посвященную первому декану одного из факультетов — мехмата — члену-корреспонденту АН СССР В. В. Голубеву (1884–1954). За время своего существования мехмат стал одним из наиболее славных и престижных в своей области учебных заведений мира.

К концу 20-х гг. после разрухи эпохи революций и последовавшей за ними гражданской войны, после лет, отмеченных отсутствием нормального финансирования науки и образования, введением классового подхода при приеме студентов, идеологическими кампаниями и чистками, наконец, всякого рода перестройками и экспериментами с формами обучения (вроде пресловутого бригадного метода) советское государство начало наводить порядок в системе народного образования, в том числе и высшего. 19 сентября 1932 г. вышло постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», обозначившее крутой поворот в истории нашей высшей школы. В нем отмечалось неудовлетворительное качество подготовки специалистов, ставилась задача усиления роли теоретического образования. Основными формами образования объявлялись лекции, прочитанные специалистами. Вводились вступительные и семестровые экзамены, запрещались коллективные зачеты. Исключалось вмешательство студенческих организаций в работу кафедр и деканатов. Воссоздавалась система защиты диссертаций и присуждения ученых степеней.

Постановление Коллегии Наркомата просвещения от 4 апреля 1933 г. с 1 мая вновь восстанавливало в университетах факультетскую систему. Приказом по Московскому государственному университету было создано шесть факультетов, в том числе механико-математический¹. Его деканом был назна-

¹ Огибалов П. М., Кудряшова Л. В. О возникновении и развитии механико-математического факультета Московского университета // История и методология естественных наук. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. XXV. С. 11.

*Академик А. Н. Колмогоров (слева) поздравляет чл.-корреспондента АН СССР
В. В. Голубева с 70-летием, 4 января 1954 г.*

чен известный математик и механик член-корреспондент В. В. Голубев, который проработал в этой должности до конца 1935 г.² В это время создавались первые кафедры и появилась кафедра аэродинамики, ее заведующим также стал Голубев.

Вскоре был введен порядок избрания декана собранием факультета. 15 декабря 1935 г. деканом мехмата был избран профессор Л. А. Тумаркин (1904–1974), который работал на этом посту до 9 апреля 1939 г.

Во второй и в третий раз В. В. Голубев стал деканом факультета уже в результате выборов и оставался на этом посту с 1944 г. по 1952 г. О его деятельности в этом качестве 27 октября 1967 г. газета «Московский университет» писала так: «Многие лучшие дела свершались благодаря его кипучей энергии, организаторскому умению, его глубоко продуманным замыслам». Надо сказать, что доставшееся ему «хозяйство» оказалось в скверном состоянии: студенчество, — разделенное по классовому принципу, значительную часть которого составляли воспитанники рабфаков, зачастую не имевшие достаточной подготовки; преподаватели, — пережившие жестокие идеологические кампании 20–30-х гг. (вспомнить хотя бы преследования учителя Голубева Д. Ф. Егорова и его младшего товарища Н. Н. Лузина). Обладая высоким авторитетом на факультете, В. В. Голубев умел ненавязчиво, но неуклонно проводить четкую линию требовательности, добиваясь от лекторов сжатого, но доходчивого изложения сложных вопросов программы. Параллельно он заве-

² Протасова Л. А., Толина И. А. Владимир Васильевич Голубев. М.: Наука, 1995. С. 208.

довал кафедрой высшей математики в Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского. Последнее его воинское звание — генерал-майор авиационно-инженерной службы. Может быть, отчасти этим объяснялись четкость и строгость в работе В. В. Голубева на посту декана. Именно в годы его руководства научная активность студентов получила организационное оформление: в 1944 г. было создано Научно-студенческое общество (НСО); куратором общества сначала был А. А. Космодемьянский, а с 1946 г. его возглавил завкафедрой небесной механики Н. Д. Моисеев.

Будучи деканом механико-математического факультета, В. В. Голубев в первую очередь стремился улучшить качество и доходчивость преподавания. Он не жалел времени на проведение конференций, которые предварительно хорошо продумывались и на которых обсуждались и вырабатывались проблемы методики преподавания точных наук. Так, весной 1946 г. на факультете была проведена научно-методическая конференция, основной задачей ее было пересмотреть учебные планы с целью сокращения часов обязательной научной нагрузки студентов, что позволило бы выделить больше времени для их самостоятельной работы. Во время конференции два больших зала на втором этаже здания на Моховой, 9 (напротив Манежа) работали с 8 до 23 часов и всегда были переполнены. Студенты с книгами и тетрадями занимали все места и даже на ярусах около балюстрады. Материалы этой конференции были внимательно изучены деканом, который на их основе написал статью «О методической работе факультета»³.

Голубев вообще не жалел времени на совершенствование методик преподавания и учебных планов. В те годы формирование списка дисциплин и учебных программ зависело от многих факторов: прежде всего от запросов тех предприятий, куда попадали многие выпускники (например ЦАГИ — для механиков), от уровня преподавания механико-математических дисциплин в вузах страны, где выпускникам предстояло читать лекции и вести семинары. Кроме того, кафедры мехмата были заинтересованы сохранить на полной ставке крупного ученого, а для этого максимально загрузить его лекциями. Перекройка учебных планов, а это значит перекройка каждого курса и его программы, требовала от деканата углубленной вдумчивой работы, чреватой полемикой на факультете.

Владимир Васильевич как мог пропагандировал свои методические взгляды. Вот яркая иллюстрация из воспоминаний академика Б. В. Гнеденко, до начала совместной работы на мехмате МГУ учившегося у Голубева в Саратовском университете:

Как-то мне пришлось стать свидетелем беседы декана факультета с одним из молодых профессоров. Я, тогда начинающий доцент, находился в деканате, поскольку Владимир Васильевич собирался дать мне поручение. Когда к нам пришел профессор, он сказал: «Дорогой Т. А., я вынужден передать Вам разговор со слушателями Вашего курса и, если

³ Рукопись статьи сохранилась. О ее содержании см. *Протасова, Тюлина*. Владимир Васильевич Голубев... С. 184.

Вы позволите, высказать кратко мой совет... Вы знаете, что смысл лекций состоит не в том, чтобы рассказать в них всё, что мы знаем о предмете, а ввести слушателей в мир новых идей, заинтересовать их и закрепить этот интерес. Для этой цели следует не торопиться изложить как можно больше материала, а изложить сравнительно немного так, чтобы этот материал улегся в голове студента и помогал ему без труда двигаться на основе уже усвоенного»⁴.

А вот не менее красноречивый фрагмент воспоминаний о Голубеве другого его ученика профессора А. А. Космодемьянского:

Он говорил: «Вы спрашиваете, почему профессор N плохо читает лекции? Да ведь он рассказывает все, что знает. А этого не нужно делать. Для лекции нужно критически отобрать только самое лучшее. Ограничьте себя в материале. Ведь вы не печатаете в журналах всё, что думаете? Правда?»⁵.

Коллеги и ученики Голубева приводят много примеров таких кулуарных обсуждений лекций и отбора материала для них в своих воспоминаниях. Голубев был великим мастером, обладавшим даром глубокого воздействия на слушателей, и просто «болел» методическими проблемами. Сохранилась интереснейшая рукопись «Индивидуальный план, организация и методы подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру»⁶. Речь в ней идет о том, что не всякий специалист может успешно вести педагогическую работу без соответствующей подготовки. В частности, Голубев поднимает вопрос об известной неопределенности самой цели подготовки специалиста в аспирантуре. Он пишет:

Основной целью, которую мы должны преследовать в подготовке аспиранта, должно быть — добиться такого положения, при котором для аспиранта научная работа является основным его делом, основным содержанием его жизни. Если аспирант смотрит на научную работу так: отсидел 6 или 8 часов, а потом все научные интересы и вопросы снял с себя и повесил на гвоздь, как рабочий халат, до следующего посещения института, то из него никакого ученого не выйдет. [...] Для ученого его научная работа — это, как зубная боль, научная мысль непрерывно сидит где-то в голове. От нее и рад бы другой раз избавиться, забыть её, но не можешь, потому что она о себе непрерывно напоминает. Если руководителю удалось добиться того, что мысль о научном вопросе стала для аспиранта неотвязной мыслью, от которой он не может отделаться, пока не выяснит вопрос до конца — руководитель достиг цели: из его аспиранта выйдет научный работник. Он будет работать в лаборатории или за письменным столом, или пойдет со знакомой барышнею в театр — всё

⁴ Гнеденко Б. В. Слово, зажигающее сердца // Владимир Васильевич Голубев / Сост. И. А. Тюлина. М.: Знание., 1984. С. 56.

⁵ Космодемьянский А. А. Очерки по истории механики. М.: Просвещение, 1964. С. 407.

⁶ См. Протасова, Тюлина. Владимир Васильевич Голубев... С. 186.

равно где-то в подсознании у него неотступно будет сидеть мысль о научном вопросе: это значит, что он действительно вошел во вкус научного исследования ⁷.

Прошло более полвека, с тех пор как я слушала доклад, который лег в основу этой статьи, но все еще помню реакцию переполненной коаудитории: слушатели переглядывались, глаза у всех блестели, а уж слова про зубную боль засели у всех в памяти.

Умение Голубева воздействовать на аудиторию подчеркивали многие. А. Ю. Ишлинский, ставший заместителем Голубева по деканату вскоре после окончания под его руководством аспирантуры, писал так:

Человек большой общей культуры Владимир Васильевич умел произносить речи по самым разным поводам, всегда блестящие и содержательные. Особо следует отметить организаторские способности Владимира Васильевича, проявленные им на научно-административных постах. Я познакомился с ним, когда он стал первым деканом механико-математического факультета, а я был еще студентом. Впоследствии я работал некоторое время заместителем декана и тогда особенно ощутил четкость, ясность и решительность действий Владимира Васильевича по наведению порядка на факультете, развитию факультетских кафедр и лабораторий, созданию институтов математики и механики. Внешне строгий, подчас колючий, он был грозой безделья и косности. Вместе с тем Владимир Васильевич никому не навязывал своей воли, дела решались демократично и быстро, однако обычно так, как он и предполагал. Он немедленно давал разумный совет тем, кто приходил к нему за помощью ⁸.

В 1944–1952 гг. заместителем Голубева по учебной работе был доцент И. З. Пирогов. Он оставил замечательную заметку о деятельности Голубева в напряженные годы переезда факультета в новое здание:

Накануне учебного года в последний день августа на собраниях «новобранцев-первокурсников» Владимир Васильевич горячо поздравил тех, кто «прошёл горнило испытаний», но предостерегал, что трудности вместе с радостями начинаются с 1 сентября: посещение всех занятий обязательно, и учению надо отдавать все силы.

А на следующий день в 8 утра Владимир Васильевич был уже в своем кабинете, затем перед звонком на занятия он проходил по лекционным аудиториям, а после звонка снова был в кабинете, и всех опоздавших просил направлять к нему на беседу... Вспоминаю одного из частых нарушителей учебной дисциплины, и серьезный разговор с ним, уже не первый, с напоминанием о записанном в приказе взыскании. Студент ос-

⁷ Цит. по: Протасова, Тюлина. Владимир Васильевич Голубев... С. 186.

⁸ Ишлинский А. Ю. Первый декан мехмата МГУ // Голубев Владимир Васильевич / Ред. С. М. Белоцерковский. М.: Изд-во ВВИА им. Н. Е. Жуковского, 1985. С. 11–12.

И. А. Тюлина у стенда, посвященного фронтовикам факультета, МГУ, 1983 г.

тавался как бы непроницаемым и невозмутимо слушал. Но после моих слов: «Я направляю вас к Владимиру Васильевичу!» — студент заволновался, стал давать слово, что опоздание было последним, и даже прибавил: «Ну, дайте мне последний выговор, но не отправляйте меня к Владимиру Васильевичу». Студенты испытывали не страх перед строгим администратором, а стыд перед глубоко уважаемым и горячо любимым человеком. Они знали, что в очень трудный момент декан постарается помочь студенту, чей труд и добросовестность этого заслуживали. В начале 1950-х гг. не допускались задержки и нарушения своевременности уплаты студентов за обучение. Плата была 200 рублей в год — более половины месячной стипендии... Уже был составлен список представленных к отчислению за неуплату. Но прежде чем передавать его в ректорат, В.В. пригласил на беседу этих студентов, а после беседы в соседней комнате попросил меня как своего заместителя предложить одному из студентов, наиболее остро нуждающемуся, но сдавшему все зачеты и экзамены в срок, написать заявление об освобождении его от платы за обучение... Вскоре на этом заявлении появилась надпись крупным голубевским почерком — «освободить» и такая же крупная подпись: В. Голубев. Я зашёл с недоумением к декану: ведь такое решение может принять только министерство, причём ждать пришлось бы очень долго, и вдобавок неизвестно, каким был бы ответ. Вместо объяснения

Владимир Васильевич подал мне две сторублёвые бумажки и попросил внести эти деньги в кассу, а квитанцию оставить у себя. Так В.В. Голубев освободил от платы за обучение хорошего, но плохо обеспеченного студента⁹.

А. А. Космодемьянский, ученик и последователь Голубева, написал прекрасный очерк «Владимир Васильевич Голубев — его жизнь и научная деятельность»¹⁰, в котором приведено много изречений Голубева, ставших теперь крылатыми. Вот некоторые из них.

1946 г. Бурное заседание Учёного совета механико-математического факультета. Перерыв. Усталый, но с живыми, молодыми глазами Владимир Васильевич говорит мне: «Видите, как трудно быть деканом нашего факультета. А почему? Да ведь у нас на факультете семь математических школ, и все мировые! Куда нам, волоколамским, управлять ими. А надо!»¹¹.

Государственные экзамены. Я прошу студента написать уравнение эллипса в главных осях. У отвечающего какие-то осколки мыслей о проективных многообразиях. Уравнение эллипса никак не пишется. Подошедший В. В. Голубев спрашивает: «Кто вам читал лекции по аналитической геометрии? Профессор N?» Позднее Владимир Васильевич говорит мне: «Вот видите, что получается, если на первом курсе читать геометрию по Мейерхольду. Нужна последовательность в развитии ума слушателей. Курс, прочитанный профессором N, был бы превосходным специальным курсом для математиков на последних годах обучения, но он не годен для первого курса. Никак не могу убедить в этом моих коллег-математиков»¹².

На всех торжественных собраниях, вечерах самодеятельности Владимир Васильевич был желанным гостем и активным участником. Приведем последний фрагмент из многочисленных воспоминаний о Голубеве.

«В 1950-е гг. в МГУ стало обучаться много иностранцев. Однажды они задумали провести праздник дружбы народов. Иностранные землячества принесли на мехмат из посольств флаги своих стран, подготовили интересные выступления и номера самодеятельности. Одно смущало организаторов, кого бы попросить вести это необычайное собрание. Лучше Голубева не найти, решили все. Ему в это время нездоровилось, но он пришёл на факультет и экспромтом приступил к роли президента этого торжественного вечера. Голубев блестяще произнёс недлинное вступительное слово, в котором с необычным, чисто голубевским умением увязал политические моменты с характеристикой состояния науки в дружественных странах. ... Пре-

⁹ Пирогов И. З. Воспоминания // Владимир Васильевич Голубев / Сост. И. А. Тюлина... С. 59.

¹⁰ Опубликовано в кн.: Космодемьянский А. А. Очерки по истории механики... С. 385–409.

¹¹ Космодемьянский А. А. Очерки по истории механики... С. 408.

¹² Космодемьянский А. А. Очерки по истории механики... С. 408.

доставляя слово каждой из присутствующих делегаций землячеств, Голубев обращался к некоторым из них на их родном языке... Этот вечер надолго запомнился.

Вскоре, накануне 200-летия Московского университета, Владимир Васильевич ушёл из жизни, успев написать о механиках университета замечательный очерк. Студенты А. А. Дерибас и В. Н. Кузнецов, ныне известные механики, выразили общую скорбь словами:

В юбилейном вихре небывалом
Ощутишь вдруг в сердце пустоту...
Голубев... чье имя означало —
Блеск, гармонию и красоту»¹³.

От редакции

Автору этой статьи, известному историку науки доценту механико-математического факультета Ирине Александровне Тюлиной исполняется 80 лет. Ирина Александровна широко известна своими книгами и многочисленными статьями по истории механики, прежде всего — истории механики в России и в СССР. Она постоянный автор нашего журнала на протяжении всей истории его существования. Всю свою жизнь (за исключением тяжелых лет войны, когда она с оружием в руках защищала Родину) она была связана с механико-математическим факультетом, где многие годы читает курс истории механики. Мы поздравляем Ирину Александровну со славным юбилеем и желаем ей доброго здоровья и дальнейших творческих успехов.

¹³ Тюлин Г. А., Тюлина И. А. Воспоминания // Голубев Владимир Васильевич / Ред. С. М. Белоцерковский... М. С. 77.

И. И. МОЧАЛОВ

...В СОРОК ВТОРОМ

(К 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского)

Жизнь дается один раз человеку, и в этом смысле дорога и интересна всякая жизнь. Индивидуальность есть как бы окно, через которое зрится поток жизни, и личная судьба есть рамка, в которой она оформляется, дробится, конкретизируется. То важное, дивное и страшное, чему суждено было стать свидетелями и участниками людям нашего поколения, каждым испытано и пережито по-своему. И в этом – оправдание и вместе побуждение рассказать о пережитом каждым по-своему.

Сергей Булгаков (1923 г.)

В Боровом

Начавшаяся война СССР с Германией резко изменила весь уклад жизни В. И. Вернадского, его родных и близких, коллег и учеников. 16 июля 1941 г. вместе с семьей Вернадский выехал в Сибирь; 23 июля специальный поезд с эвакуированными академиками, членами-корреспондентами, сотрудниками Академии наук СССР, членами их семей и детьми академических служащих прибыл на станцию «Курорт Боровое» (г. Щучинск). На следующий день на автобусах все были перевезены в санаторий Боровое, расположенный в Щучинском районе (в 25 км к северу от Щучинска) Акмолинской области на северной окраине Казахской ССР вблизи границы с Россией.

13 сентября 1941 г. Вернадский записал в дневнике: «После 1-го сентября 1939 года прошло больше 22-х месяцев, и эта война длится, и многие не видят ей конца, — захватила и нашу страну. Благодаря ей я пишу эти строки в курорте Боровом в Казахстане, где никогда не думал быть, не думал, что в мои годы окажусь в тысячах километров от Москвы со своей семьей»¹.

Курорт Боровое, находился на территории заповедника «Боровое» и представлял комплекс санаторных учреждений, предназначенных главным образом для лечения больных туберкулезом, часть помещений которого была отдана в распоряжение эвакуированных ученых и их семей.

¹ Новый мир. 1995. № 5. С. 209.